PROPAGANDA: AN ILLUSION OF SUCCESS

DOI 10.15826/qr.2020.2.474
УДК 94(47): 82-7"1917/24"

ОБРАЗЫ ЛЕНИНА В ВИЗУАЛЬНОЙ САТИРЕ И ПРИЧИНЫ КРАХА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Владислав Аксенов
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

LENIN'S IMAGES IN VISUAL SATIRE AND THE COLLAPSE OF ANTI-BOLSHEVIK PROPAGANDA*

Vladislav Aksenov
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article analyses anti-Leninist visual propaganda and examines the reasons for its low effectiveness. The author studies the morphological structure of Lenin's images as an internal and external enemy, "the other": a German spy, Judas, Hun, anarchist, or a member of the Black Hundreds. It is demonstrated that the sources of anti-Leninist images were visual political satire of the previous period and mass rumours. In some cases, anti-Leninist images were provoked by the radical statements and actions of Ulyanov himself. Anti-Leniniana was even beneficial to Bolsheviks: Lenin, previously unknown to the general public, became one of the most prominent political antagonists. Widespread public fears and premonitions were reflected in the images, which makes visual satire a mirror of the era. The low effectiveness of anti-Leninist propaganda can be explained by various factors, i. e. the use of propaganda stamps which most people had already gotten tired of during World War I; the inversion of images in the perceptions of different social strata; excessive stigmatisation of the Bolsheviks, who, as they approached

* *Citation*: Aksenov, V. (2020). Lenin's Images in Visual Satire and the Collapse of Anti-Bolshevik Propaganda. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 455–472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474.

Цитирование: *Aksenov V.* Lenin's Images in Visual Satire and the Collapse of Anti-Bolshevik Propaganda // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 2. P. 455–472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474 / *Аксенов В.* Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 2. С. 455–472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474.

© Аксенов В., 2020

October, began to be perceived as victims of the tired regime of A. F. Kerensky; and the counter-propaganda of the Bolsheviks themselves.

Keywords: Lenin's image; revolution; propaganda; satire; visual history; imagology.

Анализируется антиленинская визуальная пропаганда и разбираются причины ее низкой эффективности. Исследуется морфологическая структура ленинских образов как внутреннего и внешнего врага, «чужого»: немецкого шпиона, Иуды, хама, гунна, анархиста, черносотенца. Показано, что источниками антиленинианы оказывались визуальная политическая сатира предшествующего периода и массовые слухи, а в ряде случаев антиленинские образы были спровоцированы радикальными заявлениями и действиями самого героя (В. И. Ульянова). Антилениниана оказывалась выгодна большевикам: неизвестный доселе широким слоям общества Ленин становился одним из самых заметных политиков-антагонистов. В создаваемых образах воплощались общественные страхи и предчувствия, что превращает визуальную сатиру в своеобразное зеркало эпохи. Низкая эффективность антиленинской пропаганды объясняется разными факторами: эксплуатацией уже надоевших обывателям за годы Первой мировой войны пропагандистских штампов; инверсивностью образов в восприятии различных социальных слоев населения; чрезмерной стигматизацией большевиков, которые по мере приближения к октябрю начинали восприниматься жертвой всем надоевшего режима А. Ф. Керенского; контрпропагандой самих большевиков.

Ключевые слова: образ Ленина; революция; пропаганда; сатира; визуальная история; имагология.

В последнее время в историко-антропологических исследованиях привлекает внимание имагология – изучение образов «чужих», что особенно актуально при обращении к кризисным периодам истории (войнам и революциям), когда конструирование образа врага становится важной пропагандистской задачей [Сенявская; Голубев, Поршнева; Филиппова, Баратов]. Исследователи не случайно обращаются к карикатуре, которая характеризуется многофункциональностью: она не только высмеивала актуальные проблемы, политические группы, но и демонстрировала общественную саморефлексию, вскрывая внутренние страхи и комплексы обывателей. Главной же функцией политической карикатуры выступала алармистская, что порождает вопрос: почему антиленинская пропаганда, предсказавшая развязывание Гражданкой войны большевиками, не смогла ее предотвратить и помешать большевикам захватить власть?

В символическом пространстве 1917 г. на публику выплеснулись накопленные за предшествующие годы претензии к представителям различных политических сил. За конкретными партиями и их лидерами уже были закреплены определенные стереотипы, которые в процессе революции подвергались метаморфозам в соответствии с актуальными событиями. Не стал исключением и В. И. Ульянов (Н. Ленин): навешенный на него ярлык германского агента развивал слухи о большевиках,

ходившие еще летом 1914 г. Иконография образов лидера большевиков отличалась большим разнообразием, и семиотический анализ изображений Ленина позволяет уловить те характеристики, которые не были вербализированы в письменном антиленинском дискурсе.

Историография последних лет пополнилась визуальными исследованиями образа Ленина в годы Российской революции. А. Россомахин, подчеркивая широкий диапазон отрицательных образов лидера большевиков в массовом сознании (от шпиона до Антихриста), подробно останавливается на характеристике Ленина как Иуды, который из 1917 г. перешел в антибольшевистскую карикатуру периода Гражданской войны и наполнился антисемитским содержанием [Россомахин]. Т. А. Филиппова обращает внимание на выраженные семитские черты Ленина, присутствующие уже в карикатурах 1917 г. [Филиппова, с. 96]. Е. Орех отмечает некоторое иконографическое расхождение образов большевика и ленинца: последний часто относился к радикально настроенным обывателям, включая и анархистов [Гражданская война, с. 81].

Негативные образы Ленина были созданы практически на любой вкус: для патриотической общественности – образ немецкого агента, для демократической – отступник от социалистических принципов, для религиозной – злой демон, для обывателей – разбойник с большой дороги. Из новых политиков революционного времени Ленин по антипопулярности почти равнялся Николаю II[1]. Причины резкого неприятия лидера большевиков понятны: не успев вернуться в Россию, он уже 4 апреля выступил на собрании большевиков и меньшевиков с тезисами, в которых обрушился не только на Временное правительство, но и на Петросовет. В соответствии со своим психическим складом Ленин назвал членов Совета (кроме большевиков) «смердящими трупами», «мелкобуржуазными оппортунистическими элементами» и «социал-шовинистами» [Единство. 1917. 5 апр.; Правда. 1917. 7 апр.]. Под впечатлением от выступления Ленина Г. В. Плеханов заявил, что своей «бредовой речью» лидер большевиков «водрузил знамя гражданской войны в среде революционной демократии» [Единство. 1917. 5 апр.][2].

Радикальное ленинское требование передачи всей власти Советам являлось тактикой борьбы за власть, в которой лидер большевиков, не только пропустивший Февральскую революцию, но и недальновидно проглядевший ее предпосылки накануне[3], пытался наверстать упущенное, заработав себе в сжатые сроки некий политический капитал. Февральская революция вспыхнула на почве единения большинства

---

[1] Самым популярным персонажем карикатуристов в журналах «Новый Сатирикон», «Бич», «Пугач», «Будильник», «Стрекоза» в 1917 г. (не считая антигероев старого строя) стал А. Ф. Керенский, но значительная часть его образов носила комплиментарный характер.

[2] Здесь Плеханов процитировал слова И. П. Гольденберга о Ленине.

[3] Хорошо известны слова Ленина, выступавшего в январе 1917 г. перед социалистической молодежью в Цюрихе, о том, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции».

общественных и политических сил страны, в этом отношении многие партийные лидеры февраля-марта, как социалисты, так и либералы, были готовы к компромиссам, Петросовет и Временное правительство разделяли между собой функции, взаимно подкрепляя свою легитимность. Однако Ленин, сознательно противопоставляя Временное правительство и Петросовет, доказывал, что вся полнота власти должна принадлежать Советам. Выступление Ленина 4 апреля 1917 г. продемонстрировало его полное непонимание политического момента и фанатичное стремление к захвату власти любой ценой. Апрельские тезисы обернулись скандалом и превратили большевиков в маргинальных аутсайдеров политической борьбы, при этом сам Ленин получил недоставшую ему широкую известность. В политический лексикон россиян начинало постепенно входить слово «ленинцы», хотя поначалу общего его понимания не было, часто в него вкладывался негативный смысл, а некоторые крестьяне считали, что «ленинцы» – это жители Ленинской губернии [Правда. 1917. 28 мая]. Тем самым, «раскрутка» большевиков и их лидера в печати даже в негативном ключе была им выгодна.

Заняв непримиримую позицию, Ленин создал себе образ «чужого», который был подхвачен разными слоями общества. Карикатура наиболее ярко в метафорической форме отразила преломления его образа в сознании современников. Здесь можно отметить несколько ипостасей Ленина-чужого: от представителя внешнего врага (немецкого шпиона), извне заброшенного в Россию, до «своего чужого», внутреннего порождения революционной анархии (разбойника с большой дороги).

Наиболее ранней метафорой, направленной на дискредитацию большевиков как немецких агентов, стало сравнение пломбированного вагона с Троянским конем. Первая карикатура на этот сюжет появилась в газете «Петроградский листок» уже 10 апреля, а чуть позже Н. Ремизов (Ре-Ми) опубликовал в «Новом Сатириконе» рисунок под названием «Все совершенствуется», сопровождавшийся подписью: «Раньше “троянский конь” изготовлялся в виде деревянной лошади, в которую засовывали несколько воинов… теперь “троянский конь” делается германцами в виде поезда, начиненного Лениным» (ил. 1 на цв. вклейке).

В мае-июне главными антагонистами Ленина в журнальной карикатуре оказываются председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов и министр почт и телеграфов меньшевик И. Г. Церетели. После того, как 18 июня планировавшиеся в поддержку Временного правительства демонстрации неожиданно были разбавлены ленинскими лозунгами «Вся власть Советам!», а анархисты совершили налет на тюрьму «Кресты» и освободили большевика Ф. П. Хаустова, способствовав побегу около 400 уголовников, в массовом сознании обывателей начинается сближение образов большевиков и анархистов. Появляются слухи, что большевики готовят государственный переворот. Этому способствовало выступление Ленина на I Всероссийском съезде советов 4 июня, заявившего в ответ на слова Церетели об от-

сутствии в России партии, требующей себе всю полноту власти, что такая партия есть, это партия большевиков, которая «каждую минуту готова взять власть целиком» [Ленин, с. 267]. В контексте выступления Церетели (лидер меньшевиков утверждал, что только в сплочении разных политических сил заключается спасение страны) это означало, что большевики готовы развязать гражданскую войну. Характерна карикатура журнала «Барабан» «Между властью и анархией», изображавшая обалдевшего обывателя (напоминавшего Церетели), на носу которого раскачивались на весах Львов с Лениным (ил. 2 на цв. вклейке).

Антиленинская пропаганда приписывала большевикам не только попытку внесения раскола в социалистическое движение, но и развал армии. В «Апрельских тезисах» прозвучала идея, что единственным способом остановить империалистическую войну является братание на фронте. Большевиков тут же заподозрили в агитации в поддержку дезертирства, стихийно распространявшегося в армии еще до революции. Художники отреагировали на это серией рисунков, в которых Ленин на личном примере показывал солдатам, как правильно бежать с фронта, молниеносно перемещаясь от одной трибуны к другой.

Летом происходит объединение образов ленинцев и анархистов: и тех, и других нередко изображают с «немецкой пломбой» на спине, при этом Ленину предлагают выбрать новую платформу – железнодорожную, на пути обратно в Германию [Стрекоза. 1917. № 25. С. 5; № 26. С. 5]. Массовое сознание проводило параллели между анархистами и большевиками также благодаря схожести решения ими «квартирного вопроса» – захвата анархистами дачи Дурново и особняка Кшесинской большевиками. 19 июня 1917 г. командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцов силами одной казачьей сотни выселил анархистов из особняка Дурново, при штурме был убит матрос-анархист Ш. А. Аснин. Оправдываясь перед Съездом Советов, министр юстиции П. Н. Переверзев предъявил фотографии многочисленных уголовных татуировок Аснина. На это отреагировал художник «Барабана» и опубликовал рисунок спин Ю. М. Стеклова[4], А. В. Луначарского и В. И. Ленина, сопровождавшийся подписью: «Ввиду близости большевиков к анархистам – посмотрим: нет ли какой-нибудь татуировки на спинах». При этом на спине Стеклова красовалась императорская корона и слова «Боже, царя храни!», на спине Луначарского – германский пикельхельм, а на спине Ленина – 50 тыс. немецких марок [Барабан. 1917. № 14. С. 3]. Тем самым, в визуальном сатирическом пространстве анархисты и большевики обмениваются признаками: большевики приобретают обвинение в провоцировании анархии, анархисты – в работе на Вильгельма II.

В визуальном антиленинском дискурсе формировалась собственная мифология. Большевикам начинали приписывать ответственность за мероприятия, к которым они отношения не имели. Так, в августе А. Лебедев обратился к репинской композиции «Запорожцев»

[4] Хотя Ю. М. Стеклов (Нахамкис) большевиком не являлся.

в карикатуре «Пишут „Приказ № 1“» (ил. 1). На его рисунке одними из авторов приказа № 1 оказывались отсутствовавшие тогда в России В. И. Ульянов и А. В. Луначарский, причем Ленин изображался монголоидом с торчавшей из головы пикой от немецкого шлема.

1. А. Лебедев. Пишут «Приказ № 1» // Стрекоза. 1917. № 32. С. 14

A. Lebedev. Writing Order 1 // *Strekoza*. 1917. № 32. P. 14

Некоторые современники видели в Ленине воплощение самого Вильгельма II [Бич. 1917. № 17. С. 3]. У обывателей тема «переселения душ» вызывала ассоциации с образом последнего министра внутренних дел А. Д. Протопопова, который, согласно массовым слухам, неоднократно заявлял, что в него вселился дух убитого Григория Распутина. Рисунок И. Степанова иллюстрировал, как Пуришкевич пытается вернуть дух Ленина обратно в тело. Подпись гласила: «В. М. Пуришкевич доказывает, что подлинный Ленин умер в 1916 г., а ныне под его именем живет и действует некто совершенно другой» [Бич. 1917. № 37]. Таким образом, для некоторых читателей сатирических журналов Ленин занимал место то ли Распутина, то ли Протопопова. Вместе с тем, художники нередко пытались подчеркнуть карликовость большевистского лидера. На одном из рисунков Д. Мельникова Россия в кольчуге и красной юбке с красным знаменем в одной руке и мечом в другой вела в бой полки солдат. Ее пыталась удержать маленькая лысая фигурка мужичка в черном, напоминавшая Ленина. Примечателен лозунг: «Вперед! Только русские штыки принесут свободу германскому народу!» (ил. 3 на цв. вклейке). Также Ленина изображали карликом на ходулях, в одном случае он всаживал нож в спину

России-Свободе (ил. 4 на цв. вклейке), в другом угрожал растоптать гигантского казака [Бич. 1917. № 31].

Антиленинская пропаганда давала кратковременный эффект: на улицах большевистских агитаторов считали провокаторами и нередко угрожали им физической расправой. На имена Ленина и Зиновьева приходили анонимные письма с угрозами убийства [Правда. 1917. 10, 12 мая]. Сотрудник «Правды» Георгий Сафаров рассказывал, как в конце апреля пытался провести беседу с группой людей, собравшихся у Публичной библиотеки, но толпа подняла крик: «Ленинец!», «Провокатор!», «Куплен на немецкие деньги!», «Видно, что из жидов!», – в результате чего постовой милиционер в сопровождении публики доставил Сафарова в комиссариат 1-го Спасского района [Правда. 1917. 4 мая]. Впрочем, многое зависело от политической топографии: если перед Публичной библиотекой большевиков не жаловали, то перед дворцом Кшесинской могло не поздороваться их оппонентам. Гардемарин Н. Вреден вспоминал, как с товарищем попытался приветствовать Ленина криком «Браво, Кшесинская!», за что чуть не был избит толпой [Реден, с. 55].

Среди образов Ленина-немца можно выделить две концепции: «патриотическую», при которой Ленин оказывался немцем, искренне преданным Вильгельму II (или его воплощением), и «меркантильную», рисующую образ предателя, отрабатывающего полученный гонорар. В последнем случае обязательным атрибутом выступал набитый деньгами мешочек с немецкой печатью. На опубликованной в «Стрекозе» карикатуре под названием «Ленин-пролетарий, или Шило в мешке» лидер большевиков вылезал из наполненного монетами мешка, на котором имелась надпись «1 000 000 марок» (ил. 2).

2. Ленин-пролетарий, или Шило в мешке // Стрекоза. 1917. № 30. С. 14

A proletarian Lenin, or an Awl in a sack // *Strekoza*. 1917. № 30. P. 14

Не реже миллиона германских марок фигурировали 30 сребреников. Обращение к библейскому сюжету предательства Иуды встречалось в журнальной карикатуре и ранее. В 1915 г. в роли Иуды изображался болгарский царь Фердинанд, выступивший против Антанты. На одной из карикатур авторства Н. Ремизова подлинный Иуда с завистью смотрел на Иуду-Фердинанда, державшего в руках чек

на пять триллионов. При этом болгарский царь был исполнен в сатирическом ключе – с гипертрофированным носом [Новый Сатирикон. 1915. № 40. Обложка]. В 1917 г. Дени изобразил Ленина Иудой, принимающим 30 сребреников от Вильгельма II. Карикатура называлась «Верная служба – честный счет» (ил. 5 на цв. вклейке). В отличие от глуповатого Иуды-Фердинанда, Иуда-Ленин имел зловещий вид. Можно отметить эмоциональное различие двух карикатур: первая развлекала зрителя высмеиванием болгарского царя, вторая пугала демоническим Лениным. Со временем образ Ленина приобретал все более зловеще-инфернальный характер.

Художники намекали, что получение денег от Германии – далеко не единственная тайна ленинцев. Во время уголовного следствия над большевиками в июльском номере «Пугача» появилась карикатура «Ленин за своей газетой», на которой лидер большевиков был изображен за чтением «Правды» в интерьере комнаты, на стене которой висел портрет Вильгельма II, на столе стояла посуда с германским орлом. Рисунок сопровождала подпись от лица Ленина: «Не в “Правде” правда, а в том, что все узнали, что я получил два миллиона от Вильгельма! Но это еще не вся правда: удавлюсь, если всю узнают!» (ил. 6 на цв. вклейке). В июле публикуется карикатура Б. Антоновского «Триумфальное возвращение Ленина в отечественную столицу Берлин», обыгрывавшая тему бегства Ленина обратно в Германию [Бич. 1917. № 28. Без пагинации]. В «Пугаче» появляется карикатура на тему «Ленин в Германии»: Ульянов встречает бедствующего К. Либкнехта и предлагает ему просить разрешения у Вильгельма ехать вместо него в Россию на заработки [Пугач. 1917. № 16. С. 3].

Демонизация В. Ульянова совпала с ростом тревожности столичных жителей по поводу угрозы гражданской войны, а также возможного захвата немцами Петрограда после падения Риги 21 августа 1917 г. Корниловский мятеж, подорвавший авторитет А. Ф. Керенского, породил слухи о скором «втором пришествии» скрывающегося Ленина, в этот раз он должен был явиться вместе с немецкой армией. Этой теме была посвящена карикатура в сентябрьском номере «Пугача», на которой Ленин-Иуда держал в руках новый мешочек с 30 сребрениками (несмотря на европейский костюм Ленина, атрибутом Иуды, помимо денег, выступала веревка на шее) (ил. 7 на цв. вклейке).

Образ Ленина стал воплощением тревожных предчувствий современников, и обращение в этом контексте к библейским сюжетам добавляло лениниане эсхатологическую коннотацию. Еще в июне 1917 г. на карикатуре под названием «Враг народа» лидер большевиков был изображен в образе злого демона, летящего над городом с мешочком немецких сребреников и бросающего бомбы. Рисунок сопровождала подпись, перефразирующая стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ангел»: «По небу полуночи Ленин летел / И песню анархии пел…» [Барабан. 1917. № 9. Обложка].

Визуальная пропаганда шла параллельно судебному процессу против большевиков, инспирированному министром юстиции Временного правительства П. Н. Переверзевым после июльских беспорядков. Однако обывателям казалось, что суд над большевиками недостаточно быстро проходит из-за препон, чинимых Петросоветом. В августе 1917 г. появляется карикатура на тему библейского сюжета жертвоприношения Исаака. В роли Исаака на ней изображался лежащий на жертвеннике голенький Ленин, в роли Авраама, занесшего кинжал над Лениным, министр Переверзев, а в роли ангела, остановившего Авраама, председатель исполнительного комитета Петросовета Н. С. Чхеидзе [Новый Сатирикон. 1917. № 28]. В кустах стоял кадет в образе покорной овцы, которой и суждено было стать жертвой. Художникам-карикатуристам не чужда была политическая прозорливость.

Ленин как «свой чужой» символизировал вырождение социалистического движения. Вероятно, одной из самых оригинальных карикатур на эту тему стала работа Ре-Ми «Семья не без урода», изображавшая «дедушку русской революции» П. А. Кропоткина, ее «бабушку» Е. К. Брешко-Брешковскую и их внука В. И. Ульянова. Похожий на чертенка Ленин сидел на заборе и корчил рожи, в то время как «бабушка» с «дедушкой» рассуждали над сломанным Ильичем саженцем, что внучек их совсем другой, нежели они, немецкой марки (ил. 8 на цв. вклейке).

Тема Ленина-внучка очередной раз возникла в октябре 1917 г. на рисунке И. Степанова, на котором Брешко-Брешковская мылила голову маленькому Володе, приговаривая и указывая на послушного старшего внука (Керенского), сидящего на полу в матросской робе и играющего с игрушками: «Видишь: Шура – пай-мальчик, утешает бабушку, за то и награжден: солдатиков ему подарили, пушечку… А ты негодяй, лгунишка, забияка, ябеда… у-у-у! наказанье Божеское!.. вот же тебе головомойка!» [Бич. 1917. № 40. Обложка].

Жестче отреагировал на политику Ленина по внесению раскола в социалистическое движение художник «Барабана». На карикатуре «Завивка большевика» в образе парикмахера выступал Чхеидзе, пытавшийся сделать Ленину «республиканскую прическу». При этом сам Ленин был изображен в образе Медузы Горгоны (ил. 9 на цв. вклейке).

Параллельно образам Ленина – немецкого агента и Ленина – предателя социализма формировался образ Ленина-черносотенца. Так, на одной из карикатур «Пугача» за спиной выступающего на митинге Ульянова расположился Н. Е. Марков 2-й (ил. 10 на цв. вклейке). Соседство в визуальном пространстве одиозного черносотенца и большевика не случайно: согласно диалектическому закону борьбы и единства противоположностей, они казались союзниками, ведущими Россию к одному финалу – гражданской войне. Карикатура И. Симакова (Синуса) в журнале «Бич» изображала, как Марков 2-й

и Ленин перетягивают друг у друга вооруженного громилу [Бич. 1917. № 24. С. 6]. На карикатуре из «Стрекозы» Николай Романов, наблюдая из окна за большевистской манифестацией, размышлял: «Ого! Как эти большевики голубчики стараются… вернуть мне потерянное место!» [Стрекоза. 1917. № 28. Обложка]. В этом контексте Ленин оказывался не агентом Вильгельма II, а марионеткой контрреволюционеров, старающихся вернуть в России старый строй. Подобные страхи проникали в массовое сознание, так как «медовый месяц революции» начал сменяться периодом разочарований современников в новом строе. Показательна карикатура Ре-Ми «Тоска о твердой власти», опубликованная еще в майском номере «Нового Сатирикона», изображавшая обывателя, стоящего на коленях перед тенью городового и жалующегося: «О, дорогая тень! Если бы ты знала, как я тоскую о тебе под лучами слишком жаркого для моего организма солнца свободы» [Новый Сатирикон. 1917. № 18. Обложка]. В то время как большевики говорили о необходимости углубления революции, современники видели в этом предательство завоеванной в феврале свободы и справедливо опасались контрреволюционного переворота и установления нового самодержавия (диктатуры Ленина). Появлялись карикатуры, на которых Н. Ленин изображался царем и именовался Николаем III (до этого массовое сознание «венчало» на царство А. Ф. Керенского под именем Александра IV). Впрочем, ходили и другие слухи: Ленин собирается возвести на престол царевича Алексея, а регентом назначить Гессенского принца [Финдейзен, с. 214].

Если июль стал месяцем провала большевиков, вынужденных уйти в подполье, то после дискредитации Керенским Л. Г. Корнилова у Ленина появился шанс вернуть потерянные позиции. Художник Синус почувствовал возможный триумф большевиков, изобразив в карикатуре «Сретение неподобных великомучеников большевистских Ленина и Зиновьева», выполненной в стилистике религиозной иконографии, возвращение из финляндского подполья в Петроград лидеров большевиков, перед которыми на колени падал социал-демократ Ю. М. Стеклов, одетый в черные одежды. У ворот города их встречали представители власти и видные политики: А. Ф. Керенский, Л. Д. Троцкий, В. М. Чернов, А. В. Луначарский и др. В руках у Ленина были трость и черный котелок, а у Зиновьева – чемоданчик с немецкими деньгами. За всем этим с пальмы удовлетворенно наблюдала троица немецких шпионов (ил. 11 на цв. вклейке).

Несмотря на повторяющийся мотив немецких денег большевиков, данная работа интересна тем, что в метафорической форме отразила еще одну ипостась Ленина как библейского Хама. Ключом к этой интерпретации является фигура непримечательного на первый взгляд (но центрального в композиции карикатуры) Стеклова, в отношении которого антибольшевистская печать весной-летом 1917 г. развязала настоящую травлю. Обывателям Стеклов был хорошо известен по своей первой фамилии Нахамкис. Публицисты и художники пы-

тались дискредитировать большевиков, «разоблачая» их настоящие фамилии (большевикам пришлось оправдываться в «Правде», указывая на вынужденный характер использования псевдонимов) [Правда. 1917. 25 мая]. Этой теме была посвящена карикатура М. Ага «Исход праведной души товарища Нахамкеса из грешного тела товарища Стеклова» [Бич. 1917. № 21. С. 10]. Фамилия Нахамкис использовалась современниками в качестве нарицательной, с ее помощью обыгрывалось представление о большевиках как о сборище хамов. По аналогии с Нахамкисом, в некоторых карикатурах Ленина называли Нахалкиным [Пугач. 1917. № 8. Обложка]. В упомянутой карикатуре И. Степанова, обыгрывавшей тему переселения душ, визуализировался слух о том, что дух Ленина вселился в Нахамкиса.

В свою очередь, сравнение большевиков с хамами уходило корнями в статью Д. С. Мережковского периода Первой революции «Грядущий хам», в которой он предсказывал гибель России. Июньский номер «Нового Сатирикона» открывала карикатура Ре-Ми, на которой был изображен бандит, развалившийся с ногами на диване в чужой разгромленной квартире с газетой «Правда» в руке. Его слова передавала подпись к рисунку: «Вот все говорили „грядущий“ да „грядущий“!.. А вот я уже и „пришедший“!..» [Новый Сатирикон. 1917. № 21. Обложка]. Одна из июньских карикатур обыгрывала газетное сообщение о том, что семья Нахамкисов держала салон красоты, в котором буржуям отрезали волосы вместе с головой. Тем самым, «пришедшие хамы» несли с собой не только моральную, но и физическую угрозу. В это время в столице среди обывателей ходила шутка, как при встрече большевика с меньшевиком первый гордо заявил, что в Петрограде теперь очень много большевиков, на что получил ответ: «Поэтому его и называют, не Петербург, а Хам-бург». Ровно через год, в июне 1918 г., Ре-Ми невесело шутил на эту тему: на рисунке под названием «Пророк» был изображен Д. С. Мережковский, опиравшийся на башню из книг с заглавиями «Грядущий хам». Писатель раздумывал: «А все-таки напрасно говорят, что нет пророка в своем отечестве» [Новый Сатирикон. 1918. № 13. С. 3].

Характерно, что в портретах Нахамкиса из журналов «Бич», «Новый Сатирикон» выраженно присутствовали монголоидные черты, с помощью которых проводились параллели между большевиками и гуннами, большевиками и монголо-татарами. В декабрьском номере «Стрекозы» А. Лебедев изобразил гунна, удовлетворенно наблюдавшего за тем, как большевики грабят и убивают обывателей. Гунн констатировал: «Мои потомки работают нисколько не хуже меня!» [Стрекоза. 1917. № 48. С. 5]. Говоря об источниках образа большевика-гунна, следует заметить его пересечение с «грядущим хамом» в стихотворении В. Брюсова «Грядущие гунны», написанном в Первую российскую революцию: «Где вы, грядущие гунны, / Что тучей нависли над миром! / Слышу ваш топот чугунный / По еще не открытым Памирам».

Ленин также изображался некоторыми художниками представителем монголоидной расы. В этом случае нередко происходило смешение нескольких иконографических типов: Ленин – гунн/монгол, Ленин-анархист, Ленин – немецкий шпион, Ленин – библейский персонаж, Ленин – хам. Накануне октябрьского переворота В. Денисов (Дени) опубликовал карикатуру «Владыка дней наших», изображавшую голову коронованного бандита монгольской внешности. Подпись поясняла: «Его величество Хам I. Взошел на престол 21 апреля, коронован 3–5 июля 1917 г.» (ил. 12 на цв. вклейке). Несмотря на собирательный характер образа большевика, в этом портрете обнаруживаются иконографические признаки Ленина: монголоидная внешность и жиденькие усики с бородкой[5]. Примечательно, что восшествие на престол датировалось апрельским кризисом – часть современников считала, что недовольство нотой П. Н. Милюкова было искусственно раздуто большевиками, и рассматривала последующую отставку министра как первую победу ленинцев.

Помимо ассоциаций с гуннами и монголо-татарами, данная иконография развивала фобии перед «китайской угрозой» – с лета 1917 г. газеты сообщали о нашествии китайцев в Петроград, об организации ими вооруженных банд, которые якобы устраивали человеческие жертвоприношения. В ситуации, когда антисемитизм стал менее популярен, фобии «кровавого навета» с евреев переадресовывались китайцам. Вероятно, не случайно, что на ноябрьской карикатуре Д. Моора, посвященной противостоянию Ленина и Каледина, лидер большевиков представал в образе высоколобого китайского божества Фукурокудзю (который, впрочем, считается одним из семи богов счастья) (ил. 13 на цв. вклейке).

Октябрьский переворот большевиков не стал главным мотивом карикатур в октябре-ноябре 1917 г. Большевики еще летом превратились в символ анархии и разрухи, поэтому их приход к власти принципиально не меняет образы и сюжеты, с ними связанные. Тем не менее, важное отличие образов большевиков лета 1917 г. от образов большевиков осени-зимы заключается в том, что в первом случае они чаще всего представали в виде цивилизованных немцев, а во втором становились олицетворением животных инстинктов толпы. Заросшие, грязные, оборванные и до зубов вооруженные, они символизировали распространявшуюся по России анархию. Так, на карикатуре из «Стрекозы» громадный большевик-разбойник с ножом охотится на маленького обывателя, решившего бежать в Гонолулу, на карикатуре из «Нового Сатирикона» под названием «Разоблачение» бандиты-

[5] Впоследствии эта карикатура чуть не стоила Дени карьеры, а то и свободы: в начале 1923 г. журнал «Красный перец» решил вывести смирившегося с советской властью художника на чистую воду и опубликовал этот рисунок с вопросами: «Кто нарисовал? Когда нарисовал?? Кого нарисовал???» Перепуганный Дени попросил помощи у сестры Ленина Марии Ульяновой, после чего редакции «Красного перца» был дан сигнал оставить Дени в покое.

большевики раздевают обывателей, считая свои действия «разоблачением контрреволюции» [Стрекоза. 1917. № 41; Новый Сатирикон. 1917. № 39].

Настроения обывателей после захвата власти большевиками можно понять по рождественским выпускам сатирических иллюстрированных журналов. Иллюстрации на обложках последних декабрьских номеров «Нового Сатирикона» и «Бича» были подписаны строчкой из Великого славословия «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение», которую, согласно Евангелию от Луки, ангелы пропели пастухам, извещая о рождении Иисуса. Н. Ремизов переосмыслил эту легенду в контексте актуальных российских событий и в образе поющих ангелов изобразил трех пьяных мужиков, аккомпанирующих себе на гармошке, причем центральный персонаж монголоидного типа соответствовал иконографической традиции, в которой обычно изображали Ленина (ил. 14 на цв. вклейке).

Антиленинская пропаганда достигла своего логического апофеоза в годы Гражданской войны – некоторые обыватели начали прямо называть Ленина Антихристом [Письма во власть, с. 95]. Одна из белогвардейских листовок называлась «Что говорит Священное Писание об Антихристе и какие дела его». В ней сообщалось, что «Антихрист засел в Кремле» [Бессонов, с. 257]. Основанное летом 1918 г. А. И. Деникиным Осведомительное агентство активно эксплуатировало антисемитскую тему и представляло большевистских лидеров в образе то Антихриста, то лжепророков. Так, на плакате «В жертву Интернационала» Ленин был изображен в виде лжепророка, по наставлению которого Троцкий и другие приносили Россию в жертву языческому идолу Марксу (ил. 15 на цв. вклейке). Песня «Интернационал» занимала особое место в прихрамовой эсхатологии верующих: указывали, что слова «Вставай, проклятьем заклейменный» могут относиться лишь к ритуалу пробуждения Антихриста [Тарабукина].

Универсального иконографического типа Ленина в 1917 г. не сложилось. Художники по-разному интерпретировали его внешность, в некоторых случаях пренебрегая портретным сходством ради акцентирования внимания зрителя на неких архетипических чертах. Распознать на карикатурах лидера большевиков можно было по германской печати на пиджаке или брюках, по мешочку с деньгами. Другие более универсальные «атрибуты» Ленина – лысина (не всегда), характерные усики с бородкой; часто он был одет в темный костюм (иногда достаточно пижонский, с брюками в полосочку), на голове изображались кепка или котелок (именно в котелке В. И. Ульянов выступал 3 апреля 1917 г., стоя на броневике на Финляндском вокзале). Распространенным стало изображение Ленина как представителя монголоидного типа. Кроме того, художники старались подчеркнуть признаки вырождения на лице Ленина, придавая ему обезьянью внешность. В этом иконографическом направлении Ленин обретал портретное сходство с Николаем Романовым, которого часто рисовали алкого-

ликом-дегенератом. Учитывая, что после разгрома винного погреба Зимнего дворца в ноябре 1917 г. за большевиками прочно закрепилось реноме пьяниц, у Ленина и Николая в сатирическом дискурсе обнаруживается общая платформа. В январе 1918 г. в печати обсуждались слухи о пьянстве Ленина в Смольном (якобы меньшевик А. А. Иоффе видел, как мертвецки пьяного председателя СНК выносили из кабинета на носилках матросы) [Утро России. 1918. 16 янв.]. Общие дегенеративные черты в образах Н. Романова и В. Ульянова также соотносятся со слухами об их сумасшествии. Об умопомешательстве Николая II говорили в декабре 1916 г., о психически больном Ленине – в ноябре 1917 г. [Сигнал. 1917. 13 нояб.]. Октябрьское восстание большевиков приобретало коннотацию коллективного безумия маргиналов.

Разнообразие антиленинских метафор в визуальной пропаганде 1917 г. не стало серьезным препятствием на пути большевиков к власти. Причиной следует признать то, что многие антагонистические образы Ленина не были рассчитаны на широкие слои, они могли вызвать задуманные художниками ассоциации лишь в среде образованных слоев, как, например, образ троянского коня. Эксплуатация библейских сюжетов также не достигала ожидаемого эффекта по причине давнишнего расцерковления обывателей и роста скептического отношения к религиозной тематике [Аксенов, Рогозный]. В годы Первой мировой войны пропаганда навязывала обществу идею, что Антихристом является Вильгельм II, однако среди крестьян ходили слухи, что Антихрист – это Николай II. Дискредитация пропагандистского приема демонизации «чужого» не позволяла эффективно манипулировать широкими слоями реципиентов. Живучим оказался образ большевиков как немецких агентов, однако в 1917 г., в условиях всеобщей усталости от войны, а осенью – и от усиленной революцией разрухи он уже не был столь однозначным, как в 1914 г. Не желавшим отправки на фронт обвинения Ленина в стремлении заключить сепаратный мир могли и вовсе показаться достоинством.

Также не выполнил в полной мере задачу дискредитации Ленина образ хама. Будучи семантически близким образу разбойника с большой дороги, вероятно, именно он стал наиболее сильным эмоциональным раздражителем для средних и зажиточных слоев населения, однако для массы крестьянства, люмпенизированных рабочих и солдат этот образ символизировал идею борьбы с буржуазией, реализацию принципа «грабь награбленное».

Социокультурный раскол российского общества проявлялся в разнообразии смыслов и значений, которые приписывались различными группами населения одним и тем же образам. Антиленинская пропаганда справедливо назначила лидера большевиков на роль главного антагониста, которую совсем недавно исполнял Г. Распутин. В этой связи уместно вспомнить, что к царскому фавориту в народе было совсем иное отношение, нежели в городских слоях. Крестьяне

отреагировали на убийство «старца» в соответствии со стереотипами традиционного сознания: «Сказывали, от народа будто Распутин к царю приставлен был всю правду говорить. Не простой люд его извел», «У нас разно про того Распутина знали. Кто и за святого считал. Сказывали, будто один он правду царям говорил. За то будто и убили его вельможи» [Палеолог, с. 716; Федорченко, с. 88]. Нечто подобное происходило и со слухами вокруг Ульянова. В противовес разыгрывавшейся либеральной печатью карте «пломбированного вагона», в передававшихся солдатами и крестьянами «наиновых» сказках Ленин представал чуть ли не святым, чудесным образом оказавшимся в России весной 1917 г. [Федорченко, с. 364].

Многообразие антиленинских образов оборачивалось их конкуренцией друг с другом и приводило к снижению пропагандистского эффекта. Особенно это касалось случаев, когда ложные обвинения, которым большевикам было проще противодействовать, вытесняли справедливые. Образ ленинцев – германских шпионов не был подкреплен материалами следствия; образы хама и гунна, равно как разбойника с большой дороги, оказывались слишком абстрактными, тогда как реальную опасность представляли создававшиеся большевиками отряды красной гвардии и пропагандирование принципа всеобщего вооружения народа. Лишь в октябре 1917 г. потенциальная угроза, исходящая от красной гвардии, визуализируется в рисунке А. Радакова «Буриданов осел русской власти», на котором осел с фригийским колпаком на голове изображался между красногвардейцем и текинцем [Новый Сатирикон. 1917. № 38. С. 8.]. Автор напоминал зрителю, что, по легенде, буриданов осел умер от голода, так как не смог сделать окончательного выбора.

Однако чрезмерная эксплуатация даже точного образа со временем неизбежно снижала его воздействие на умы. Алармистский образ большевика – разжигателя гражданской войны слишком долго вхолостую использовался печатной пропагандой, в результате чего заметно потерял свой эффект к октябрю 1917 г. Еще в начале июня в Петрограде ходили слухи о подготовке большевиками переворота с целью захвата власти, восстание большевиков «назначали» на 27 августа [Вечернее время. 1917. 25 авг.]. Уставшие от постоянного психологического напряжения обыватели осенью 1917 г. переживали состояние политической апатии. Не случайно, что некоторые современники известие о захвате большевиками власти восприняли с некоторым облегчением: «Пучина наконец-то разверзлась» – записал в своем дневнике П. А. Сорокин [Сорокин, с. 99]. К тому же многие были уверены в том, что ленинцы у власти надолго не задержатся.

К другой группе причин можно отнести контрмеры самих большевиков, в некоторых случаях оказывавшиеся достаточно эффективными. Так, например, большевики демонстрировали известную гибкость в отношении к определенным обвинениям, доводя их до абсурда и превращая в шутку. Примечательна заметка в апрельском

номере «Правды», озаглавленная «Истинное происшествие»: «Из достоверных источников нам сообщают: Нева внезапно потекла вспять. Нетрудно догадаться, кто является виновником этого печального события: германофил Ленин. Правильность этого сообщения удостоверяют А. Амфитеатров, Г. В. Плеханов, Д. Заславский, И. Гольденберг, сэр Бьюкенен, посол дружественной державы» [Правда. 1917. 15 апр.]. Параллельно большевики читали лекции рабочим и солдатам, выступали перед уличной толпой на митингах, разъясняя свою позицию и опровергая обвинения оппонентов. Так, весной 1917 г. Г. Зиновьев неоднократно выступал с докладом «Война и революция», в рамках которого давал объяснения, как он с товарищами проехал через территорию Германии в пломбированном вагоне [Правда. 1917. 1 мая, 3 мая]. Пытались большевики противодействовать обвинениям в поощрении анархии. Н. Ленин в статье «Запугивание народа буржуазными страхами» отрицал распространение в обществе анархии, указывая, что имеющие место случаи захвата крестьянами помещичьей земли не анархия, а подлинная демократия – решение народного большинства [Правда. 1917. 4 мая]. В результате большевики как стигматизируемая группа постепенно начинали казаться некоторым современникам жертвой всем надоевшего режима А. Ф. Керенского.

Низкая эффективность антиленинской пропаганды в 1917 г. была следствием увлеченности карикатуристов второстепенными, ложными темами. Изучение образов Ленина как чужого позволяет понять психологическое состояние российского революционного общества, многие страхи которого были унаследованы от предшествующих лет Первой мировой войны, в результате чего Ленину нередко переадресовывались чужие грехи. Некоторые визуальные образы оказывались пророческими, демонстрировали провидческий потенциал художественного мышления: карикатурная лениниана предсказала и поражение России от Германии, и захват власти большевиками с последующим развязыванием Гражданской войны. Использование в ленинской иконографии библейских сюжетов отражало восприятие частью населения России революции как «малого апокалипсиса истории».

Список литературы

Аксенов В. Б. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2 (37). С. 272–303. DOI 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-272-303.

Барабан. 1917. № 4, 9, 10, 14.

Бессонов И. А. Русская народная эсхатология. История и современность. М. : Гнозис, 2014. 336 с.

Бич. 1917. № 17, 21, 24, 26, 28, 31, 37, 38, 40.

Будильник. 1917. № 19, 37–38.

Вечернее время. 1917. 25 авг.

Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011. 392 с.

Гражданская война в образах визуальной пропаганды : словарь-справ. СПб. : Скифия-принт, 2018. 176 с.

Единство. 1917. 5 апр.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. 434 с.

Новый Сатирикон. 1917. № 15, 18, 21, 24, 28, 38, 39, 40, 45; 1918. № 13.

Палеолог М. Дневник посла. М. : Захаров, 2003. 864 с.

Письма во власть. 1917–1927 : Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.

Правда. 1917. 7, 8, 15 апр., 1, 3, 4, 10, 12, 25, 28 мая.

Пугач. 1917. № 6, 8, 13, 14, 16, 20.

Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М. : Центрполиграф, 2006. 287 с.

Рогозный П. Г. Православная церковь и русская революция : Очерки истории. 1917–1920. М. : Весь мир, 2018. 304 с.

Россомахин А. Прогерманский Иуда // Историк. 2017. № 7–8. С. 70–73.

Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сигнал. 1917. 13 нояб.

Сорокин П. А. Дальняя дорога : автобиография. М. : Терра, 1992. 304 с.

Стрекоза. 1917. № 25, 26, 28, 30, 32, 41, 48.

Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга : дис. … канд. филол. наук. СПб. : [Б. и.], 2000. 222 с.

Утро России. 1918. 16 янв.

Федорченко С. Народ на войне. М. : Сов. писатель, 1990. 448 с.

Филиппова Т. А. «Враг внутренний» – «враг внешний» : Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике // Рос. ист. 2015. № 6. С. 90–98.

Филиппова Т. А., Баратов П. Н. «Враги России» : Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М. : АИРО-XXI, 2014. 360 с.

Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915–1920. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. 576 с.

References

Aksenov, V. B. (2019). Narodnaya religioznost’ i obrazy dukhovenstva v gody Pervoi mirovoi voiny i revolyutsii [Popular Religiosity and Images of the Clergy during the First World War and the Revolution]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*. No. 1–2 (37), pp. 272–303. DOI 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-272-303.

Baraban [*Baraban*]. (1917). No. 4, 9, 10, 14.

Bessonov, I. A. (2014). *Russkaya narodnaya eskhatologiya. Istoriya i sovremennost’* [Russian Folk Eschatology. History and Modernity]. Moscow, Gnozis. 336 p.

Bich [*Bich*]. (1917). No. 17, 21, 24, 26, 28, 31, 37, 38, 40.

Budil’nik [*Budilnik*]. (1917). No. 19, 37–38.

Edinstvo [*Yedinstvo*]. (1917). 5 April.

Fedorchenko, S. (1990). *Narod na voine* [People at War]. Moscow, Sovetskii pisatel’. 448 p.

Filippova, T. A. (2015). “Vrag vnutrennii” – “vrag vneshnii”. Obrazy revolyutsii 1917 g. v russkoi satiricheskoi zhurnalistike [“Internal Enemy” – “External Enemy”. Images of the 1917 Revolution in Russian Satirical Journalism]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 90–98.

Filippova, T. A., Baratov, P. N. (2014). *“Vragi Rossii”. Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal’noi satire epokhi Pervoi mirovoi voiny* [“Enemies of Russia”. Images and Rhetoric of Enmity in Russian Magazine Satire of the First World War Era]. Moscow, AIRO-XXI. 360 p.

Findeisen, N. F. (2016). *Dnevniki. 1915–1920* [Diaries. 1915–1920]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 576 p.

Golubev, A. V., Porshneva, O. S. (2011). *Obraz soyuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh voin* [The Image of the Ally in Russian Social Consciousness in the Context of the World Wars]. Moscow, Novyi khronograf. 392 p.

Grazhdanskaya voina v obrazakh vizual'noi propagandy. Slovar'-spravochnik [The Civil War in the Images of Visual Propaganda. Dictionary and Reference Book]. (2018). St Petersburg, Skifiya-print. 176 p.

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works. 55 Vols.]. (1969). 5th Ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 33. 434 p.

Livshin, A. Ya., Orlov, I. B. (Eds.). (1998). *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to Power. 1917–1927. Statements, Complaints, Denunciations, Letters to State Structures and Bolshevik Leaders]. Moscow, ROSSPEN. 664 p.

Novyi satirikon [*Novyi Satirikon*]. (1917). No. 15, 18, 21, 24, 28, 38, 39, 40, 45. (1918). No. 13.

Paléologue, M. (2003). *Dnevnik posla* [The Ambassador's Diary]. Moscow, Zakharov. 864 p.

Pravda [*Pravda*]. (1917). 7, 8, 15 April. 1, 3, 4, 10, 12, 25, 28 May.

Pugach [*Pugach*]. (1917). No. 6, 8, 13, 14, 16, 20.

Reden, N. (2006). *Skvoz' ad russkoi revolyutsii. Vospominaniya gardemarina. 1914–1919* [Through the Hell of the Russian Revolution. Memoirs of the Garde-Marine. 1914–1919]. Moscow, Tsentrpoligraf. 287 p.

Rogoznyi, P. G. (2018). *Pravoslavnaya tserkov' i russkaya revolyutsiya. Ocherki istorii. 1917–1920* [The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on History. 1917–1920]. Moscow, Ves' mir. 304 p.

Rossomakhin, A. (2017). Progermanskii Iuda [Pro-German Judas]. In *Istorik*. No. 7–8, pp. 70–73.

Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v voinakh XX veka: evolyutsiya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the Wars of the 20th Century: The Evolution of the "Enemy Image" in the Minds of the Army and Society]. Moscow, ROSSPEN. 288 p.

Signal [*Signal*]. (1917). 13 November.

Sorokin, P. A. (1992). *Dal'nyaya doroga. Avtobiografiya* [The Long Way. Autobiography]. Moscow, Terra. 304 p.

Strekoza [*Strekoza*]. (1917). No. 25, 26, 28, 30, 32, 41, 48.

Tarabukina, A. V. (2000). *Fol'klor i kul'tura pritserkovnogo kruga* [Folklore and Culture of the Church Circle]. Diss. … kand. filol. nauk. St Petersburg, S. n. 222 p.

Utro Rossii [*Utro Rossii*]. (1918). 16 January.

Vechernee vremya [*Vechernee Vremya*]. (1917). 25 August.

The article was submitted on 14.01.2020